

V. СОЦИОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ

УДК 316(571.6)

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА)

Н.А. Афросин

Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия, г. Биробиджан

Автор анализирует сущность понятий «традиционное общество» и «общество модернити», сложившиеся в современных научных воззрениях. Выдвигает гипотезу о том, что модерн вырастает из традиции, базируется на ней и постоянно с ней сосуществует, несмотря на обретение социумом нового системного качества. На разных этапах модернизации традиция может оказывать как усиливающее, так и тормозящее воздействие на системные процессы. Компаративный анализ проведен на примерах развития новых индустриальных стран в Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Сделаны выводы относительно возможности применения этого опыта в современной России.

Динамика современного мира выражается в непрерывном изменении его экономического, политического и культурного состояния. Системный анализ качественных и количественных характеристик мира приводит к выводу о плюрализме возможностей практической реализации проектов изменения всех областей общественной жизни. Модернизация общества не является исключением. При этом развитие классической теории так же возможно, как и создание нового социовидения мира.

Чем глубже и шире рассматривается модернизационный процесс, тем более вероятен подход к его оценке с двух позиций: 1 – охвата процесса как можно шире, глобально; 2 – теоретического структурирования вне глобализационного контекста и отыскания противоречий классики и современных теорий.

Наиболее важным в глобальных процессах является не столько факт изменений – они имманентно присущи обществу – сколько его качественные показатели и, прежде всего, экспоненциальные темпы развития. «Последние 300 лет западное общество находится под огненным шквалом перемен, – писал А. Тоффлер. – Ускорение темпа перемен – это не просто борьба индустрий или государств. Это конкретная сила, которая глубоко вошла в нашу личную жизнь, заставила нас играть новые роли и поставила перед лицом новой опасной психологической болезни» [13]. Исходя из этого, исследование модернизационных процессов в мире в целом и социальной модернизации в отдельных странах представляется важной научной и практической задачей. В отличие от социальной трансформации и социальных изменений модернизация в большей мере основана на целеполагании, что предполагает большую зависимость социального развития и его направленности от принимаемых политических решений.

Подходы к решению данной задачи рассматриваются в философских, общенаучных и специальных трудах. Однако для того, чтобы понять происходящие перемены в

полном объеме и научиться управлять ими, необходимо учитывать, что изменениям подвержены и сами системы научного знания. Философские знания тесно связаны с универсальными процессами и явлениями, следовательно, изменение уровня и характера философского обобщения такого социального процесса, как модернизация, оказывает значительное воздействие на познавательные и практические возможности развития общества. Современный уровень развития социальной философии, общественных наук дает возможность оценить качественные изменения социальной реальности и сформировать адекватную процессу перемен методологическую базу.

Концептуальный анализ модернизации и общества модернити как ее результата является важным звеном в осмыслении всей совокупности социальных процессов, поскольку может служить эффективным механизмом в решении практических задач развития.

В настоящее время происходит смещение центра мирового развития из Атлантики в Тихий океан. Это не является неожиданностью, поскольку еще столетие назад подобные события предвидели ученые, политики, представители деловых кругов, теологи. В статье В.В. Постникова «Тихий океан как «Средиземное море будущего»: история идеи (середина XIX–начало XX вв.)» приводятся слова протоиерея И. Восторгова, произнесенные во Владивостоке в 1909 г.: «С половины минувшего столетия центр общечеловеческой истории заметно стал перемещаться вследствие изменения в положении Америки – и новейшим Средиземным морем становится Великий океан» [12]. Откровенно по этому поводу высказался в 1900 г. и сенатор США А. Беверидж: «... держава, которая господствует на Тихом океане, является державой, которая господствует в мире» [1].

В течение полутора столетий, с момента силового «открытия» Японии Соединенными Штатами, Тихий океан является ареной политического и экономического

противоборства многообразных сил. Поэтому представляет интерес исследование генезиса модернизации в этом регионе.

Многие экономисты полагают, что с постепенным угасанием старых индустриальных центров в Европе и на востоке США центр мировой экономической активности перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, то есть в страны, расположенные по периметру Тихого океана, и многочисленные островные государства в самом океане [9].

Есть смысл в признании многоаспектности модернизационной проблематики, и это идет вразрез с устоявшимися взглядами на данный процесс. До сих пор основное внимание при изучении характеристик общества модернизируется сводится к составлению достаточно жестких дихотомических классификаций, делящих общества на традиционные и современные. Современные общества, их еще называют первым эшелонам модернизации (Европа и США), предстают неким единым эталоном, к достижению которого должны быть устремлены усилия остальных. При таком подходе, вырастающем из прогрессивной парадигмы, своеобразия осуществления модернистского проекта в отдельно взятых странах часто ускользает от внимания исследователей. К числу стран первого эшелона модернизации можно отнести Англию, Францию и США, сюда автоматически попадают Германия, Испания и другие государства, которые исторически осуществляли ее значительно позже. Это заставляет возвращаться к проблеме генезиса общества модернизировать, этапам оформления его структуры, особенностям модернизационных процессов в странах, выдвигаемых в качестве образца для остального мира.

В корректировке нуждается и подход, предполагающий, что мероприятия модернизации (укоренение капиталистических отношений, техническая реорганизация, создание нового аппарата управления, распространение образования и др.) являлись результатом естественного развития стран первого эшелона. Исходя из телеологичности процесса, необходимо рассматривать модернизацию не только как оригинальный, вызревающий в недрах капиталистического общества феномен, но и как следствие преобразовательной деятельности государственной власти. Это выдвигает требование дальнейшего изучения теории классической модернизации, ее политической составляющей, определяющей направление развития (рационализация властного авторитета в XVII–XVIII вв. как начальная фаза, дифференциация политических функций и институтов в XIX в., расширение политического участия в XX в.) и пути реализации модернизационных программ (научно-технический прогресс, социально-структурные изменения, преобразование нормативных и ценностных систем).

В разносторонних подходах к данному процессу отразились противоречия поиска общей модели глобального процесса развития цивилизаций. Поиск становится тем более настойчивым, чем грандиознее перемены в социуме. При этом общая модель постоянно подвергается корректировке из-за наличия большого количества особенных характеристик. «Встреча цивилизаций, – от-

мечает И.В. Побережников, – ярко продемонстрировала динамизм, постоянно меняющийся характер «западного» сообщества и различия между «западной» и прочими культурами, которые зачастую выглядели статичными и лишенными динамизма. Данные различия стимулировали широкие компаративные исследования разных сообществ и культур. Проведенный историками, антропологами, социологами анализ показал, что дифференциация существует не только между «западными» и «незападными» обществами (последние зачастую квалифицировались как «традиционные»), но и внутри данных групп» [10]. Подобная дифференциация, актуализируя тему, требует сравнительного анализа на основе системного подхода условий осуществления модернизации не только в разных государствах, продолжающих оставаться основными факторами взаимодействия в мировом сообществе, но и в разных цивилизациях, являющихся по отношению к государствам относительно новыми объектами научных исследований. При этом подход к изучению модернизации должен быть системным и междисциплинарным, включающим социальную философию, философскую антропологию, социологию, политическую экономику, политологию, культурологию и другие науки.

Дихотомический подход к объяснению различий между обществами (цивилизациями) является спорным. По мнению одних исследователей, различия между обществами (культурами) непреодолимы, а универсальных законов развития социума и культуры не существует (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, С. Хантингтон). Другая точка зрения отражает взгляды теоретиков модернизации и предполагает наличие общих закономерностей и определенных фаз развития, которые общества проходят в установленном порядке. Оба подхода, как это ни парадоксально, оказались модернизационными дают толчок к развитию в XX веке теорий, нашедших практическое воплощение в неоконсерватизме и неолиберализме (США, Великобритания, Германия, Италия, Япония и т.д.). Модернизации часто присущи консервативные черты, а консерватизм в процессе развития становится относительно модернизированным или приводит к модернизации.

Модернизационные теории развивались в постоянном взаимодействии с реальными процессами, вносившими коррективы в их содержание. Таким процессом, оказывающим определяющее влияние на модернизацию, является глобализация. В течение полувека пересматривались как методология исследования, так и теоретические основы данного научного направления. Это способствовало превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерные по отношению к эмпирической реальности.

Модернизационные теории имеют несомненную ценность для России и сопровождаются острыми дискуссиями. Наша страна, как свидетельствует система предельно критических показателей ее развития, вплотную подошла к той черте, когда выбор новой социаль-

ной стратегии и социальных приоритетов развития становится жизненно необходимой проблемой. В.А. Ядов, резюмируя многолетнюю дискуссию социологов, пишет: «... категории модернизации и переходного периода, переходного общества явно не выражают существа происходящих в России изменений просто потому, что исторический вектор этих преобразований объективно не задан, не предопределен. Особенность российского трансформирующегося общества не в том, что оно преобразуется (преобразуется вся миросистема), но скорее в том, что мы находимся в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса» (по И. Пригожину). Этим нынешнее российское общество отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой» [16].

Отдельным теоретическим направлением, которое, по мнению П. Бергера, еще ждет своих исследователей, является поиск альтернативных путей, выходящих за рамки модернизационной парадигмы, выросшей из прогрессивной идеи. Это исследование и поиск инвариантов развития. Отсутствие альтернативы, на чем настаивают многие современные теоретики модернизации, лишает нас возможности проанализировать внутренние противоречия развития современного общества.

В большинстве источников модернизация характеризуется как процесс перехода от традиционных обществ к индустриальным. На первое место в этом процессе выдвигаются высокоразвитые технологии, инициирующие действия политических, культурных и социальных механизмов. Эти механизмы в виде обратной связи используют технологии и управляют ими. Процесс модернизационного перехода включает большое количество изменений, и поэтому протекать равномерно не может, поскольку затрагивает всю социальную ткань. Это приводит к усложнению всех сфер социума и часто происходит на фоне дестабилизации положения в обществе, в том числе и в виде революций.

Кардинально изменяются и условия модернизации в современном мире. Индустриализация, выступавшая ранее (XVIII–XIX вв. в Западной Европе) как основной фактор модернизации, сегодня утрачивает свою главенствующую роль. Ведущими становятся процессы изменений в современных политических системах, и в отдельных политических институтах, трансформации социальных структур, распространение новых норм и ценностей. Индустриализация в данном случае приобретает новые формы, следуя за этими процессами.

Исходя из актуальности проблем, смены состояний качества и уровней структурной организации человеческих сообществ в процессе глобальных перемен, в качестве основной цели исследования ставится задача раскрыть сущность процесса модернизации в социальном поле и историческом контексте.

Кроме этого, в теоретическом плане немаловажными представляются следующие проблемы:

– описание закономерностей модернизационных процессов на различных уровнях структурной организации

человеческих сообществ в пространстве сосуществующих социальных систем;

– выявление тенденций процесса модернизации в современных формах общества, и влияние традиции на переходные состояния социума;

– определение воздействия глобальных процессов на теоретические разработки и практическое применение теоретически сконструированных моделей модернизации;

– трансформация восприятия модернизационной идеи в России, влияние общественного сознания на социальное конструирование приемлемого для жизни общества.

Объектом исследования представляется модернизация как общественное явление, сущность которого – процесс качественных изменений в социальном поле и социальном времени, качественные характеристики общества, создаваемые посредством модернизации при переходе от одного уровня структурной организации к другому, соответствие/несоответствие результатов реализации социоконструкторских проектов задуманному.

Теоретическую базу составляют труды по истории философии (А.Дж. Тойнби, К. Ясперс, Тейяр де Шарден, М. Блок, Дж. Коллингвуд, О. Шпенглер), развитие социальной мысли в научном творчестве Г. Мэна, Ф. Тённиса, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, О. Конта, концепция формационного развития К. Маркса, учение об «идеально-типических картинах» социального развития М. Вебера, циклическая парадигма, предложенная Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым, мир-экономический и мир-системный подходы Ф. Броделя и И. Валлерстайна, гипотеза универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева.

Положения и выводы, представленные в отмеченных направлениях философской и научной мысли, составили информационную основу исследовательской позиции, позволили рассмотреть модернизацию и как теоретический образ, и как средство создания общества модерни.

Взгляды теоретиков модернизации при анализе ситуации в АТР нуждаются в уточнении по следующим позициям:

– при дихотомическом противопоставлении традиционного и модернизированного обществ ускользает от внимания тот факт, что общество модерна вне и без наличия традиций просто не может возникнуть;

– традиция может быть потеснена на периферию, в том числе и общественного сознания, но не может исчезнуть совсем, без исчезновения самого общества;

– традиция способна (и это подтверждает опыт развития новых индустриальных стран) оказывать не только тормозящее воздействие на модернизационные изменения, но и быть дополнительным генератором перемен;

– понятия «либерализм», «свобода», «демократия», «политический режим» и их практическое воплощение коррелируют с успешностью или нерезультативностью модернизации;

– представления об отрицании традиции модерном не подтверждаются при сравнении эндогенной модернизации европейского толка с практикой осовременивания стран Восточной Азии, начиная с Японии после ре-

ставрации Мэйдзи и до праксиса «азиатских тигров» и «азиатских драконов».

60–80-е годы XX века стали периодом глобальных изменений в общей структуре развивающихся стран (из их среды отпочковываются так называемые «новые индустриальные страны» (НИС)) и периодом коренных изменений в хозяйственном комплексе, социально-экономической структуре самих НИС. Новые индустриальные государства по ряду признаков выделяются из основной массы развивающихся. Черты, отличающие их как от развивающихся стран, из среды которых они вышли, так и от развитых капиталистических держав, в ряды которых некоторые из них уже вступили «одной ногой», позволяют говорить о появлении особой «новоиндустриальной модели» развития. Эти характерные особенности достаточно четко прослеживаются при анализе опыта развития «новых индустриальных стран» Латинской Америки и Азии. Не умаляя важной роли опыта развития латиноамериканских НИС, все же следует подчеркнуть, что азиатские НИС, а именно: Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур – стали своеобразными образцами развития для многих освободившихся государств как в отношении внутренней динамики народного хозяйства, так и в отношении внешнеэкономической экспансии.

Можно выделить три «волны» появления новых индустриальных стран в мире:

– НИС «первой волны»: Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг (Сянган) («четыре азиатских тигра» (Four Asian Tigers) или «четыре азиатских малых дракона» (Asia's Four Little Dragons), Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили, Уругвай;

– НИС «второй волны»: Малайзия, Таиланд, Индия, Кипр, Турция, Индонезия;

– НИС «третьей волны»: Филиппины, Китай, Казахстан (во второй и третьей «волнах» «четыре новых азиатских тигра» (Four New Asian Tigers) – экономики Индонезии, Филиппин, Таиланда и Малайзии).

Высокие темпы роста новых индустриальных стран сопровождаются значительным повышением благосостояния населения. С середины 60-х до начала 90-х гг. годовой доход на душу населения в этих странах вырос в 4 раза. По прогнозам международных экспертов Восточная Азия может перегнать к 2015 г. по объему валового национального продукта Западную Европу, а к 2025 г. – Северную Америку. Особо следует сказать о Сингапуре, который в 1995 г. первым из государств Юго-Восточной Азии получил статус «индустриально развитого», официально присвоенного ОЭСР с 1 января 1996 г. Три десятилетия стабильного экономического роста превратили это государство из небольшого порта в девятую в списке богатейших стран мира (в пересчете на душу населения). В условиях политической стабильности промышленность страны постоянно набирала обороты в среднем со скоростью 8,4 % в год, а каждый из ее жителей повысил свой жизненный уровень в среднем в 7 раз. Ежегодный доход среднестатистического жителя Сингапура составил уже в 1995 г. 22,3 тыс. долл. США – выше, чем в Великобритании, бывшей метрополии. Кстати, и Гонконг, бывшая колония Великобритании, по многим социально-экономи-

ческим аспектам уже превзошел свою метрополию. Гонконг (Сянган) и Сингапур занимают 4-е и 5-е место в мире по доходам на душу населения. Достижением «новых индустриальных стран» Юго-Восточной Азии является и низкий уровень безработицы. Сегодня четыре «малых дракона», а также Таиланд и Малайзия относятся к странам с самой низкой безработицей в мире. Отмечая несомненные успехи «новых индустриальных стран», впечатляющий экономический рост, не стоит сбрасывать со счетов и то, что они демонстрируют отсталый уровень производительности труда по сравнению с промышленно развитыми странами. «Четыре дракона» достигли по размеру валового национального продукта на душу населения лишь 38 % от уровня Японии.

Несмотря на кардинальное различие двух основных моделей НИС: Азиатской (развитие национальной экономики с преимущественной ориентацией на внешний рынок) и Латиноамериканской (развитие национальной экономики с ориентацией на импортозамещение), следует отметить общие черты новых индустриальных стран:

1) высокие темпы экономического развития (8 % в год у НИС первой волны);

2) ведущей отраслью является обрабатывающая промышленность;

3) создается экспортоориентированная экономика;

4) происходит активная интеграция (ЛАИ, АТЭС, МЕРКОСУР);

5) образуются собственные транснациональные корпорации, не уступающие ТНК ведущих стран мира;

6) большое внимание уделяется образованию;

7) используются высокие технологии;

8) они становятся привлекательны для ТНК вследствие дешевизны рабочей силы, значительных сырьевых ресурсов, развитого банковского и страхового сектора;

9) главным становится производство бытовой техники и компьютеров, одежды и обуви.

Критерии, по которым те или иные государства относят к НИС по методике ООН, следующие:

1) размер валового внутреннего продукта на душу населения;

2) среднегодовые темпы его прироста;

3) удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП (он должен быть более 20 %);

4) объем экспорта промышленных изделий и их доля в общем вывозе;

5) объем прямых инвестиций за рубежом.

По всем этим показателям «новые индустриальные страны» не только выделяются на фоне других развивающихся стран, но зачастую превосходят подобные показатели ряда промышленно развитых стран.

В классической теории отмечено, что при противопоставлении традиционного и модернизированного обществ, в них имплицитно подтверждается мысль П. Бергера и других исследователей о возможности различных путей развития, которые существенно отличаются от классических. В ходе модернизации происходит переход к современному обществу. Следует учесть конвенциональность термина «современное общество» (modern society). Жизнь общества реализуется в трех измерени-

ях: прошлом, настоящем и будущем. В этом смысле все настоящее является современным. Но процесс развития неравномерен: настоящее некоторых обществ похоже на прошлое других или, напротив, настоящее одних социальных организмов представляет собой искомое будущее других.

Любое общество, как об этом пишет В.Г. Федотова, существуя в настоящем, является современным. Однако неравномерность развития привела к тому, что терминам «традиционное» и «современное» придано научное значение. Эти термины очень важны, так как модернизация – особая форма развития, сутью которой является переход из традиционного времени в Новое, от традиционного общества к современному [15].

Данный переход совершается в пространстве и времени, приводя к кардинальным переменам в бытии общества и Человека. В пространственном отношении он первоначально присущ Западной Европе, затем Северной Америке, а впоследствии анклавно утверждается во всех регионах земного шара. При использовании терминов «Запад» – «не Запад» необходимо учитывать условность (негеографичность) их данной оппозиции. Уже при своем возникновении общество модернизируется никак не может быть отождествлено со всей западной Европой. Большинство исследователей, начиная с XIX столетия, отождествляет современное общество, в первую очередь, с примерами Франции и Англии. Подобный подход обусловлен историческим становлением науки об обществе. Теоретическое рассмотрение современного социологического знания об обществе действительно начинается в XIX в. находится в фокусе внимания науки этого столетия. Однако последующее развитие теории позволяет начать территориальный отсчет современности с эпохи великих географических открытий, начатых Голландией, Испанией, Португалией, того периода, который В.Г. Федотова называет эпохой меркантилизма [15].

Подобный отсчет позволяет усомниться в справедливости положений теории М. Вебера о протестантской этике как одной из определяющей современное общество. Запад, несомненно, является современным, понимаемым как самое передовое общество весь период Нового времени, но в пространственном отношении главным является его экспансиональность (стремление к максимальному расширению) которая является неизменной чертой вне зависимости от перемещения центров общества модернизируется.

Современность, по мысли Ф. Боррико, – это не Запад, а отношения Запада с незападным миром, т.е. весь пестрый, реально существующий мир Нового времени, характеризующийся многообразием традиций и культур [17].

В пространственном плане это приводит к тому, что «Запад» в настоящее время может и должен рассматриваться не как географическая, а как обществоведческая категория, обладающая собственными характеристиками. Подобный подход дает возможность провести логический анализ неравномерности исторического развития современных обществ, особенностей их распространения в глобальном мире, позволяет прийти к понима-

нию причин способности незападного мира к созданию собственных центров развития. Социальное пространство модернизируется связанным с географическим пространством опосредованно.

Подвижность пространственных границ неразрывно связана с изменением границ временных. Сосуществует множество подходов в определении начала и окончания формирования общества модернизируется. Несмотря на теоретические подходы, рассматривающие современность с приставкой «пост», окончание формирования общества модернизируется, вслед за Э. Гидденсом и П. Бергером, поставлено под сомнение.

В книге «Модернизация «другой» Европы» В.Г. Федотова определяет причины подвижности временных границ современного общества у разных исследователей. «Подвижность этих границ определена неравномерностью развития самого Запада, тем, что страны достигали современного состояния в разное время. Вторая причина связана с методологией и ценностными ориентациями исследователей, устанавливающих эти границы. Разные границы, по существу, это – различные точки зрения на то, что является новым или более совершенным. Общей точкой зрения выступает признание таковым Запада в период раннего индустриализма. Он сохраняет себя через изменения. Очевидно, что географически он остается Западом. Но духовно Запад может измениться, т.е. перестать быть самим собой. Плавающие временные границы «современного общества» вызывают опасение, что Запад потеряет значение образца общества, живущего в самом быстром, новом времени и являющегося самым передовым» [15]. При исследовании временных характеристик важным представляется не столько точное определение даты или периода возникновения общества модернизируется, сколько изменение отношения ко времени, в первую очередь, социальному. Определяющий характер здесь имеют возрастание ценности времени и динамизм, т.е. увеличение количества происходящих в единицу времени событий.

На фоне изменения пространственно-временных характеристик, отражающих изменения в мировоззрении, по-другому рассматривается само восприятие бытия, самоосознание Человеком и обществом своего места в мире. Этот процесс приводит к теоретическому осмыслению современности как некоей новой данности, противопоставляемой всему предшествующему развитию. Это нашло отражение в жестком дихотомическом противопоставлении традиционных обществ современным у большинства исследователей. Традиционные общества, по их мнению, воспроизводят себя на основе традиции и источником легитимизации активности является прошлое, традиционный опыт.

Фокусом современных обществ выступает индивидуальность, вырастающая на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации. Современным становится не только общество, но и человек. Его отличает: интерес ко всему новому, готовность к изменениям, разнообразие взглядов, ориентация на информацию, серьезное отношение ко времени и к его измерению, эффективность, планирование эффективности и времени, лич-

ное достоинство, партикуляризм и оптимизм [19]. В результате индивидуальная модернизация – процесс не менее драматический, чем социальная [18]. Восток Азии в противоречии с данными взглядами не основан на индивидуализме, что не мешает ему добиваться впечатляющих результатов.

Рассматривая время модернити, необходимо также учитывать сложность определения хронологических границ современности. В литературе при рассмотрении исторической перспективы современности существует несколько «точек» отсчета начала модерна: XIV–XVI вв., «длинный XVI век», по определению И. Валлерстайна, XVIII–XIX вв., а также и XX в., по мнению Х. Арндт. Это свидетельствует о невозможности определения конкретной исторической даты его зарождения и предполагает наличие достаточно длительного периода вызревания предпосылок. Именно поэтому, несмотря на существующие теоретические обоснования возникновения пост-современного общества (В. Иноземцев, Д. Белл и др.), прокламируемый «конец истории» (Ф. Фукуяма), с ними трудно согласиться. Скорее всего общество модернити есть незавершенный проект (П. Бергер, Э. Гидденс, М. Кастельс). Это позволяет оценивать современное общество как продолжающуюся «капиталистическую революцию» или «радикализованный модерн».

Не менее сложно понимание соотношения терминов «модернизация» – «глобализация». Часть исследователей их противопоставляет, другие считают, что это взаимопереход, третьи находят источники глобализации в глубине веков, признавая, впрочем, что лишь модернизация привела к интенсификации этого процесса, четвертые трактуют глобализацию как проявление или побочный эффект постиндустриализации, «конца организованного капитализма» и распространения постмодернистской культуры. В любом случае, именно модернизация в своих главных «ипостасях» – индустриализма и капитализма – создает обобщенные средства обмена, преодолевающие географические и политические границы. Совершенные средства транспортировки и коммуникации, минимальные гарантии политического участия и личной свободы, конвертируемые бумажные и электронные деньги – это ключевые результаты модернизации, без которых современная глобализация была бы невозможна.

Многообразие предлагаемых сегодня модернизационных образцов, необходимость поиска инвариантов развития, отмечена П. Бергером: «Реальности современного мира не допускают создания теории капитализма, ограниченной лишь его западным вариантом. Полезно представить нынешний мир в виде трех гигантских лабораторных «пробирок», в каждой из которых процесс «модернизации» достиг высокого уровня; эту картину можно было бы дополнить рядом «пробирок», где этот процесс все еще находится на ранней или менее развитой стадии. Словом, нужно вообразить себе такую глобальную лабораторию, в которой «химическую реакцию» модернизации можно наблюдать в серии более или менее законченных экспериментов. Три главные «пробирки» символизируют западный промышленный капи-

тализм, такой же капитализм Восточной Азии и промышленный социализм. Дополнительные «пробирки» означают различные страны «третьего мира». Я считаю, что экономическую культуру нашего времени можно понять, только рассматривая ее с межнациональных, глобальных позиций.

Методическое сравнение промышленного капитализма с промышленным социализмом позволяет отделить последствия, вызванные модернизацией как таковой, от последствий воздействия, так сказать, специфической формы социально-экономического устройства. Это сравнение ясно показывает, что любая адекватная теория капитализма непременно будет подразумевать и теорию социализма. Эти две формы организации экономики в одинаковой степени являются продуктом современности, и, чтобы понять одну, нужно обязательно понять другую» [2].

Многое, без чего не мыслится модернизация Европы и Северной Америки, что считается ее закономерным результатом, совершенно необычным образом реализуется в новых индустриальных странах и вопреки классической теории приводит к успеху. Можно, например, обратиться к пониманию гуманизма в европейской и восточноазиатской культурах и тому, как, по сути, неприятие гуманистической традиции оказывает свое воздействие на модернизацию в этом регионе.

В исследованиях философов Алтая, Бурятии, Якутии, Дальневосточных субъектов РФ присутствует понимание, что поиски гуманистических оснований в конфуцианстве, чань- и дзен-буддизме больше характерны для европейской философии. Для Востока гуманизм – утопия, ирреальность, не имеющая места. А нет места, нет и времени. В Китае, по меньшей мере, с III в. до н.э.

Европейцу кажется, что при личностной интровертности Востока там не может возникнуть национальной идеи, а любая национальная идея – это всегда идея развития. Возможно, это следствие растерянности самого европейца в угасающей Европе, давно отказавшейся от претензий на мировое политическое или духовное лидерство.

Китайцу нет нужды идею афишировать не от стремления ее скрыть, а от естественности происходящего. Конечно, И. Кант, сформулировавший категорический императив, должен быть отнесен к числу великих гуманистов прошлого. Но в Китае иной нравственный закон. Великий Китай (Чжунго – Срединная империя) – это ось, вокруг которой вращается и структурируется весь остальной мир, являющийся периферией. В менталитете присутствует даже не вера, а знание, что государству уготовано великое будущее. Причем, в отличие от европейской ментальности, предполагающей сиюминутность достижений, для китайца неважно, в какие исторические сроки это произойдет.

Интересна статья Андрея Девятова, где он анализирует современность, исходя из китайской исторической традиции. Восемь иероглифов, которые на русский язык переводили как «социализм с китайской спецификой», существовали задолго до того, как в Европе появилось понятие «социализм». В высших смыслах эти восемь

иероглифов означают: «Союз кланов вокруг престола предков с оттенками цвета срединного государства».

Китай отличается концептуальной самостоятельностью, и что бы по-европейски умного не говорилось в комментариях к тому, как понимать «научность» Китая, помочь вникнуть в суть может как раз «китайская специфика». Ее ядро занимает созданный в древности всеобщий «Закон перемен».

Закон утверждает: «Единое раздваивается. Но перемены следуют в связке не двух, а трех сил». Вся китайская специфика как в познании, так и в реальной политике строится не на дихотомии или противоположностях, а трех взаимодействующих и противоборствующих силах. Это курс «Трех красных знамен» первого поколения руководителей во главе с Мао Цзэдуном. Это объявленная Дэн Сяопином «Теория председателя Мао Цзэдуна о делении мира на три части». Это «Теория трех представительств» третьего поколения руководителей во главе с Цзян Цзэмином.

До 17-го съезда КПК (2007 г.) в политике действовала формула Закона перемен, по которой в связке трех сил две силы активны, а одна пассивна. Пассивная сила поглощает энергию активных и переворачивает связку в свою пользу. По действующей сегодня формуле одна, то есть китайская, сила активна, а две другие пассивны, и выигрывает активная сила. Смену формулы диктует фаза цикла китайской истории. В этом и состоит «научность» с китайской конфуцианско-буддистской спецификой.

Конкретные планы на этом съезде не обсуждались. Последователи Лао Цзы помнят: «Кто знает – не говорит. Кто говорит – не знает» [6]. Но цели поставлены: к «году черного дракона» обеспечить подавляющее преимущество в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К власти в КНР в 2012 году придет уже пятое поколение коммунистов-социалистов. Задачи на перспективу поставлены:

к 100-летию партии (2021) в полном объеме воплотить внутри страны исторический символ благополучия народа - «малое процветание»;

к 100-летию Китайской Народной Республики (2049) завершить модернизацию страны, воплотить исторический символ величия нации – «великая гармония» и продемонстрировать миру преимущества китайского (срединного) социализма (союза кланов вокруг престола предков) над буржуазным либерализмом окраины («Золотым тельцом» индустриального капиталистического Запада).

Высшая стратегическая цель «союза кланов» – превращение Китая в «страну покоряющей привлекательности». В центр притяжения и поглощения мировой энергии, центр творчества, созидания, денег [5].

Все это опирается на традицию, усиливающую модернизационный эффект. Нечто подобное происходило ранее в Японии, особенно в период отрыва (take off), по терминологии У. Ростоу.

Что объединяет Китай, Японию и новые индустриальные страны Восточной Азии в одну модель, кроме их очевидной географической, исторической и культурной близости?

В последние десятилетия доминирующими отраслями в экономике НИС стали машиностроение и электроника. Широко использовались привлеченные из-за рубежа новые технологии. Япония в момент своего максимального расцвета обеспечивала 82 % мирового выпуска мотоциклов, более 80 % домашних видеосистем и около 66 % фотооборудования. Копируя опыт Японии, страны региона стремились повторить ее успех, формируя схожую отраслевую структуру экономики.

Развитие стран Восточной Азии носило экстенсивный характер. Это подразумевало постоянный приток новых рабочих рук и значительные инвестиции в промышленность. Ускоренное экономическое развитие опиралось на дешевую рабочую силу и вовсе не способствовало росту платежеспособного спроса населения. Внутреннее потребление уже не могло конкурировать с объемами вывозимой продукции. Экономическое развитие этих стран оказалось в полной зависимости от внешнего рынка.

Так, в 1996 г. доля экспорта в Индонезии составляла 26 % ВВП страны, Южной Кореи – 30 %, Таиланда – 39 %, Малайзии – 92 %. Важнейшую роль в экономическом развитии стран региона стал играть ввоз капитала. Начало было положено еще в 50-е годы, когда США помогали индустриализации Южной Кореи и Тайваня, очевидным соперникам соответствующих коммунистических режимов. Впоследствии акцент был перенесен на государственные заимствования и прямые иностранные инвестиции. Одновременно нельзя не отметить высокую степень зависимости стран Восточной Азии от технологий и ноу-хау из западных стран.

Восточная Азия, по существу, превратилась в огромный сборочный цех Запада. Главным элементом «азиатской модели» является опора на государство. Конечно, в различных странах эта формула взаимодействия проявлялась по-разному. Например, в Японии государство исполняет «казак» гигантских конгломератов (дзаибачу), а в Южной Кореи национальные компании–гиганты (чеболи) подчиняются воле правительства.

В Индонезии до недавнего времени царил семейный бизнес клана Сухарто, крупнейшие компании страны принадлежали родственникам бывшего президента. Государство обеспечивало поддержку «своим» компаниям через дешевое кредитование, что позволяло легко жить неэффективным фирмам и существовать неэффективной банковской системе.

При значительных объемах внешних заимствований азиатские компании и правительства были заинтересованы в поддержании стабильных национальных валют.

Однако политика твердого курса требует проведения валютных интервенций, что, в свою очередь, сказывается на уровне валютных резервов и государственной задолженности. Именно неспособность поддерживать стабильный курс национальной валюты стала первым звонком «азиатского кризиса», разразившегося в 1997 г.

В июле 1997 г., истратив за квартал 30 % валютных резервов страны, Банк Таиланда согласился с девальвацией бата. Этому примеру, также израсходовав миллиардные суммы, был вынужден последовать и Банк Фи-

липпин. До конца года одна за другой были девальвированы практически все восточноазиатские валюты.

Следующим шагом стал крах на Гонконгской бирже в конце октября. Индекс Хан Сен (Hang Seng) упал за день более чем на 1200 пунктов. За этим последовало резкое падение индекса ДоуДжонса (Dow Jones). Все это было связано со значительным обесценением акций азиатских компаний. «Пузырь» восточно-азиатского экономического чуда лопнул. Началось бегство инвесторов из региона. В крахе сразу же были обвинены международные спекулянты, чьи действия якобы и организовали кризис. Надо заметить, что эти сетования не совсем беспочвенны.

Дело в том, что практика МВФ способствует активизации спекулятивных хеджированных фондов в той или иной точке глобальной экономики. Элемент кризиса был заложен в традиционной схеме кредитования МВФ.

Но, несмотря на это, именно НИС быстрее всех преодолели кризисные последствия «финансового цунами», и это повторилось 10 лет спустя, когда понадобилось реагировать на новые угрозы мирового финансового кризиса.

Таким образом, Восток идет своим путем. Гуманизм Востока в возвышении не человека, а общества. И это помогло ему игнорировать соблазн слепого следования навязываемым модернизационным образцам. В пространстве Тихоокеанского региона изыскан европейского толка (свобода, гуманизм, демократия, гражданское общество и т.д.) места не оказалось, и это для большинства социокультурных систем региона благо.

Ошибки не критического заимствования чужих образцов первыми заметили латиноамериканские ученые, причем не без помощи своих коллег из США. Но их исследования явились уже фиксацией одной из форм неокolonизма.

Последствия, кстати, были прогнозируемыми и описаны в антиутопиях с их человеками и Большим братом (Дж. Оруэлл, О.Л. Хаксли, братья Стругацкие, К. Воннегут, Лао Шэ).

Томас Манн в свое время заявил: «Надо сплотить народы против того, что готовится причинить человечеству осатаневшая корысть». В докладе «Мое время» он писал: «Каждый разумный человек понимает, что состояние, когда Запад и Восток находятся в хроническом конфликте, не может привести ни к чему хорошему» [7].

Поэтому крайне важным представляется развитие прав, норм и механизмов регулирования международных отношений в АТР и в других регионах мира, связанное с такими организациями, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Асеановский региональный форум (АРФ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др. Велика их роль в установлении прав и норм для экономического сотрудничества, экономической интеграции, внедрения новых форм межгосударственного общения, обеспечения безопасности. К сожалению, главное внимание в их деятельности сегодня сосредоточено на создании организационных и

правовых основ противодействия терроризму, а, отнюдь, не на развитии партнерских экономических отношений.

Опыт НИС во многих аспектах полезен и может быть использован Россией, которая сама по себе, если использовать термин евразийцев, «месторазвитие». Примеры Сингапура и Гонконга применимы для решения внутренних геополитических проблем в национальных республиках (Татарстан, Дагестан, Чечня и др.) Основываясь на опыте Китая (Тибет, Синьцзян-Уйгурский автономный район) возможно, учитывая российскую специфику, решать проблемы отдаленных территорий.

Философы Восточной Сибири и Дальнего Востока постоянно обращаются к теме оторванности, культурной отделенности от западной части России. Возник даже термин «проточная культура». Сегодня, как пишет Л.Е. Бляхер, «... под вопросом оказалась сама потребность в Дальнем Востоке. <...> Отчасти это объясняется спецификой географической ориентации России «лицом к Европе». Именно Европа, «европейский дом» оказываются тем пространством, куда Россия стремится попасть. Азиатская часть страны начинает восприниматься как досадная помеха в этом процессе» [3].

Можно говорить лишь об одной серьезной попытке России определить и зафиксировать себя в азиатско-тихоокеанском пространстве – это политика защиты национальных интересов на рубеже XIX–XX вв., исследованная в работе Б.В. Межуева «Моделирование понятия «национальный интерес» [8].

Есть надежда, что проведение саммита АТЭС во Владивостоке поможет, если не разрешить, то хотя бы сформулировать безотлагательные меры по преодолению непростой экономической, демографической, социальной ситуации. Как отметил Президент России Д.А. Медведев при вручении главам Владивостока, Тихвина и Твери грамот о присвоении звания «Город воинской славы» 23 февраля 2011 г.: «И сегодня, конечно, Владивосток остаётся не только стратегическим форпостом России на Тихом океане, но и открытым городом с огромным потенциалом, меняющегося в настоящий момент в преддверии большого мероприятия, которое будет проведено во Владивостоке» [14].

Выводы:

1. Модернизация является первоначально предпосылкой, а в настоящее время и необходимым компонентом процесса последовательной смены социального качества субстанции, структуры и функций данной социальной системы при переходе от одного уровня структурной организации человеческих сообществ к другому.

2. Опыт новых индустриальных стран позволяет проанализировать процессы, определяющие системно-фазовый переход в социальном поле через организованные и направляемые стадии, в виде модернизации путем критического заимствования.

3. Унификация модернизационных процессов оказывается ограничено возможной. Это доказывается спецификой строительства общества модернизировать в социальном пространстве конкретных государств Восточной Азии, а также в силу исторического изменения условий ее осуществления в странах «вторичной» модернизации.

4. Модернизация носит дуальный характер. С одной стороны, это чередование диалектического и синергетического циклов в процессе развития, с другой – смена объектов и уровней их структурной организации, составляющих данную социальную систему. Подобная двойственность, особенно ее вторая сторона, служит созданию новых модернизационных практик, которые не повторяют путь классической модернизации, а также не могут быть механически воссозданы и повторены в других обществах.

5. Критический анализ современных теорий модернизации позволяет сомневаться в выводах об однонаправленности и неизбежной повторяемости стадий развития, особенно при удалении из них идеологической компоненты. Модернизация, скорее, постоянный и универсальный процесс, ведущий к смене социальных форм организации человеческих сообществ, каждая из которых обладает, кроме общих, и собственными качественными характеристиками, создаваемыми в процессе социального конструирования.

6. Модернизация присуща не только так называемым современным обществам. Консерватизм в его современных вариантах, являясь рефлексией модернизационных процессов, приводит к возникновению традиционной социальной утопии, которая при ее осуществлении создает социальную реальность модерна, хотя и существенно отличающуюся от классических образцов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. М.: Госполитиздат, 1952. С. 298.
2. Бергер П. Капиталистическая революция. М.: Прогресс Универс, 1994. С. 78.
3. Бляхер Л.Е., Левков С.А. Основания региональной социальной политики: монография. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 2005. С. 93.
4. Всемирная история. Энциклопедия: в 10-ти т. / под ред. А. Белявского, Л. Лазаревича, А. Монгайта. М.: Гос. изд. политич. лит-ры, 1956. Т. 2. 900 с.
5. Девятов А. Специфика процветания. Заметки о XVII съезде Компартии Китая // Завтра. 2007. № 49 (733).
6. Лао Цзы. Дао Дэ Цзин. М.: Вагриус, 2006. 172 с.
7. Манн Т. Мое время // Новый мир. 1955. № 10. С. 235.
8. Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес (на примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // Полис. 1999. № 1. С. 26–39.
9. Николаенко Д.В. Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий: дис. ... д-ра географ. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1999. 357 с.
10. Побережников И.В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии <http://ahey.narod.ru/sborniki/pch4/pch4-poberejnikov.htm>.
11. Подземное войско Китая. <http://paintmaster.ru/podzemnoye-voisko-kitaya.php>.
12. Постников В.В. Тихий океан как «Средиземное море будущего»: история идеи (середина XIX – начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 105–114.
13. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 10–11.
14. Президент России. Официальный сайт. Выступление на церемонии вручения грамот о присвоении почетного звания «Город воинской славы» Владивостоку, Тихвину и Твери. 23 февраля 2011 года.
15. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. 255 с.
16. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов. http://sociology.extrim.ru/yadov_transf.htm
17. Bourricaud F. Modernity, «Universal Reference» and the Process of Modernization // Pattern of Modernity. V. 1. The West / Ed. by S.N.E. Eisenstadt. L., 1987. P. 12–16.
18. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990. 186 p.
19. Inkeles A., Smith D. Becoming Modern. Individual Change in six Developing Countries. Cambridge, 1974. P. 15–35.

The author analyzes the essence of the notion of “traditional” and “modernity” societies. The hypothesis is propounded, that the modernist style arises from the tradition, and it is based on the latter; and continuously co-exists with the tradition, in spite of the new system quality, which has been acquired by the society. Depending on the stages, the tradition may have either reinforcing or hampering influence on system processes. The comparative analysis has been carried out on the NIC development data (new industrial countries, so-called Asian tigers or Asian dragons) in Eastern Asia and in the Pacific basin. The author has made the conclusions concerning a possibility of this experience application for present day Russia.